

УДК 336.1

ФИНАНСОВЫЕ ПИРАМИДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**О.И. Русакова, Д.О. Лапченко**

Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, email: rusakova.oi@yandex.ru

***Аннотация.** Финансовые пирамиды продолжают существовать и процветать даже в условиях развитых финансовых рынков, что указывает на глубокие системные уязвимости. Их устойчивость объясняется сочетанием когнитивных искажений инвесторов, социально-экономической уязвимостью населения и недостаточной эффективностью регуляторных механизмов. Экономические иллюзии создают благоприятную среду для манипуляций. В то же время слабость надзорных институтов и запаздывающая реакция правоохранительных органов позволяют мошенникам долгое время оставаться вне поля зрения. Анализ этих факторов позволяет понять, почему пирамиды не исчезают, несмотря на их очевидную несостоятельность.*

***Ключевые слова:** финансовая пирамида, поведенческая экономика, социальная уязвимость, регулирование финансового рынка, инвестиционный обман.*

FINANCIAL PYRAMIDS: PROBLEMS AND PROSPECTS**O.I. Rusakova, D.O. Lapchenko**

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, email: rusakova.oi@yandex.ru

***Abstract.** Financial pyramids continue to exist and thrive even in developed financial markets, indicating deep-rooted systemic vulnerabilities. Their resilience is driven by a combination of investor cognitive biases, socio-economic vulnerabilities, and inadequate regulatory mechanisms. Economic illusions create an environment conducive to manipulation. At the same time, the weakness of supervisory institutions and the delayed response of law enforcement agencies allow fraudsters to remain undetected for extended periods. Analyzing these factors provides insights into why pyramids persist despite their apparent failure.*

***Keywords:** financial pyramid, behavioral economics, social vulnerability, financial market regulation, investment fraud.*

Дата поступления статьи в редакцию: 19.02.2026

Дата принятия статьи в печать: 03.04.2026

Введение

Финансовые пирамиды демонстрируют удивительную устойчивость на протяжении более ста лет — от скандала Чарльза Понци 1920 года до современных крипто-схем. Несмотря на доступность информации об их природе и многочисленные судебные прецеденты, такие структуры не исчезают, а лишь трансформируются, адаптируясь к новым технологиям и экономическим условиям. В России в 2024 году Банк России зафиксировал рекордный рост числа выявленных пирамидальных проектов.

Возникает закономерный вопрос: почему рациональные экономические агенты продолжают вступать в заведомо убыточные схемы? Ответ кроется не в «глупости» жертв, а в системном взаимодействии трёх факторов. Устойчивость финансовых пирамид как элемента криминальной экономики поддерживается взаимодействием трёх причин. Искажённое восприятие риска и доходности формирует у участников иллюзию легитимности схемы, в то время как социально-экономическая уязвимость отдельных групп населения делает их лёгкой мишенью для психологической манипуляции. К тому же регулятор не успевает реагировать на быстро меняющиеся методы мошенничества — из-за правовой неопределённости на ранних стадиях развития схем и раздробленности надзорных функций между ведомствами. В статье каждый из этих механизмов рассматривается на основе российской и международной практики, включая статистику Банка России.

Результаты исследования

Суть финансовой пирамиды предельно проста. Выплаты первым инвесторам осуществляются за счёт средств новых участников при отсутствии реальной предпринимательской или

инвестиционной деятельности. Однако эта простота не мешает миллионам людей игнорировать её – благодаря системе когнитивных искажений, которые создают иллюзию легитимности схемы и подавляют реальную оценку рисков.

Ключевую роль играет эффект «горячей руки». Когда первые выплаты воспринимаются как подтверждение надёжности проекта. Организаторы пирамиды возвращают 10–20% вклада в течение первых недель, это интерпретируется инвестором как сигнал о прибыльности бизнеса, а не как перераспределение чужих денег. Особенно эффективна в этом отношении реферальная механика, приглашая друзей и получая за это бонусы, участник сам становится соучастником схемы, что усиливает его убеждённость в её легитимности. Как показывает практика сетевого маркетинга и многоуровневых пирамид, более 90% рефералов не привлекают новых участников, но именно первые успехи нескольких человек создают иллюзию доступности дохода для всех [1]. Этот механизм был характерен как для классической «МММ» 1990-х годов, так и для современных крипто-схем.

Не менее важна недооценка экспоненциального роста – фундаментальная когнитивная слабость человека. Для поддержания пирамиды с обещанной доходностью 10% в месяц требуется ежемесячный приток новых вкладчиков на 10%. Через два года такой схеме потребовалось бы привлечь сумму, эквивалентную ВВП страны. Однако инвесторы редко производят этот расчёт, ведь они плохо оперируют экспоненциальными функциями, предпочитая линейные прогнозы. В условиях экономической нестабильности эта когнитивная слабость усиливается – люди готовы верить в «гарантированные» 50% годовых, когда реальная доходность депозитов падает до 3–5%. Именно поэтому пики активности пирамид в России (1992–1994гг.) совпали с периодами гиперинфляции и роста процентных ставок, когда традиционные финансовые инструменты переставали обеспечивать сохранение сбережений.

Следует отметить, что цифровая среда усугубляет проблему через информационный уклон и создание информационных пузырей. Алгоритмы социальных сетей и мессенджеров формируют замкнутые экосистемы. Пользователь видит отзывы «успешных инвесторов», фото с дорогими автомобилями и истории «как я вышел на пассивный доход». В 2024 году почти 20% российских пирамид использовали более двух интернет-ресурсов для создания иллюзии масштаба и легитимности, а число выявленных мошеннических каналов превысило 1 300 [2]. При этом фейковые отзывы и демонстрация «успешных кейсов» воспринимаются как социальное доказательство, подавляя рациональную оценку рисков. Особенно эффективны псевдоинвестиционные предложения, маскирующиеся под криптофонды или «бизнес-клубы».

Финансовые пирамиды на практике могут иметь разные характеристики (табл.1).

Таблица 1

Сравнительная таблица схемы Понци и многоуровневой пирамиды [3]

Показатели	Многоуровневые пирамиды	Схема Понци
Структура	Децентрализованная. Все вкладчики связаны между собой.	Централизованная. Организатор получает все инвестиции и лишь некоторую часть от них выплачивает в виде дохода инвесторам.
Причина прибыльности	Инвестиции новых вкладчиков. Нередко указывается, что доход приходит от появления новых вкладчиков. Т.е. источник дохода не скрывается.	«Очень прибыльное» дело. Организатор уверяет вкладчиков в прибыльности некоего дела.
Долговечность системы	Краткосрочная. Общее количество инвесторов растёт быстро, тем самым предел развития схемы достигается очень быстро.	Достаточно длительное время. Если организатор сможет убедить инвесторов в необходимости новых инвестиций.

Представленное в таблице 1 сравнение демонстрирует, как различное построение пирамид влияет на восприятие рисков инвесторами. В многоуровневых схемах открытость механизма «доход от привлечённых» создаёт иллюзию прозрачности, тогда как централизованные схемы Понци полагаются на миф о «секретном прибыльном деле». Оба подхода эксплуатируют когнитивную слабость: инвесторы склонны верить в легитимность структуры, которая выглядит системной и «логичной», даже если её экономическая основа отсутствует. Экономические иллюзии не являются случайной ошибкой отдельных инвесторов – они системно эксплуатиру-

ются мошенниками через комбинацию поведенческих триггеров и цифровых технологий (таргетированная реклама, фейковые отзывы). Эта эксплуатация особенно эффективна в периоды макроэкономической нестабильности, когда население активно ищет альтернативы традиционным финансовым инструментам.

Если бы финансовые пирамиды опирались лишь на когнитивные искажения, их аудитория была бы случайной. Однако статистика показывает чёткую социальную сегментацию «жертв». В России в 1990-е годы пирамиды типа «МММ» охватили 10–15 млн человек, преимущественно пенсионеров, жителей регионов с низким уровнем дохода и людей с базовым образованием. Сегодня картина несколько изменилась, но не исчезла: согласно исследованиям, доверие к «альтернативным инвестициям» остаётся выше среди граждан с доходом ниже среднего и проживающих в городах с населением менее 100 тыс. человек. Эмпирическое подтверждение этой тенденции предоставляет статистика Банка России за 2023–2024 гг. (табл.2).

Таблица 2

Динамика выявленных финансовых пирамид в России в 2023–2024 гг. [2]

Показатель	2023 г.	2024 г.	Динамика, %
Всего субъектов с признаками нелегальной деятельности	5735	9027	57
Из них финансовые пирамиды	2944	5510	+87
Нелегальные профучастники рынка ЦБ	862	1936	+125
Доля пирамид с приёмом криптовалюты, %	50	77	+27
Экономические игры («кликеры»)	529	379	-28

Представленные в таблице 2 данные, к сожалению, демонстрируют тревожную тенденцию к ускоренному росту именно пирамидальных схем на фоне общего увеличения нелегальной финансовой активности. Ключевым трендом 2024 года стала цифровизация мошенничества, когда доля проектов, принимающих криптовалюту, выросла, что свидетельствует о маскировке под технологичные инвестиционные платформы. Одновременно наблюдается снижение популярности примитивных «экономических игр», уступающих место более изощрённым псевдоинвестиционным предложениям. Рост числа нелегальных профучастников рынка ценных бумаг указывает на усложнение схем маскировки под регулируемые финансовые институты. Это подтверждает переход финансовых пирамид от массовых схем к технологически сложным конструкциям, эксплуатирующим доверие к цифровым финансам и уязвимость социально-экономически незащищённых групп населения.

В январе — июне 2025 года Банк России выявил **4183** субъекта (компаний, проектов, индивидуальных предпринимателей и др.) с признаками нелегальной деятельности, в том числе с признаками финансовых пирамид. Это почти на 20% больше, чем за аналогичный период прошлого года, но на 24% меньше по сравнению со вторым полугодием 2024 года. [2]

Экономическая маргинальность выступает ключевым триггером вовлечения в пирамиды. В условиях инфляции и падения реальных доходов люди ищут способы сохранить сбережения. Традиционные инструменты (депозиты, облигации) приносят доход ниже уровня инфляции, что создаёт мотивацию для рискованных вложений. Мошенники, обещая 20–30% годовых при «минимальных рисках», адресуют своё предложение именно тем, кто ощущает финансовую нестабильность. Как отмечают исследователи, высокие расходы на проживание и инфляционные ожидания напрямую коррелируют с готовностью вступить в сомнительные схемы. В России в 1990-е годы гиперинфляция (до 2 500% в 1992 году) создала идеальные условия для расцвета пирамид: население теряло сбережения в рублях и было готово на любые риски ради их сохранения.

Не менее важен механизм социального доказательств и давления доверительных сетей. Пирамиды часто распространяются через офисные коллективы, пенсионные группы, родственные связи. Когда знакомый человек демонстрирует первые выплаты, порог вхождения резко сни-

жается – доверие к личности замещает анализ рисков проекта. В 1990-е годы «Хопер-Инвест» привлёк до 4 млн пострадавших именно через региональные сети доверия. Сегодня аналогичный эффект создаётся в закрытых Telegram-чатах, где «успешные инвесторы» делятся скриншотами выплат и приглашают друзей «не упустить возможность» [4]. Организаторы сознательно используют этот механизм: они создают «сообщества единомышленников», проводят корпоративные мероприятия, раздают подарки. Как отмечается в исследованиях финансовой криминологии, такие практики формируют у участников иллюзию принадлежности и значимости – особенно важную для людей, ощущающих социальную изоляцию или потерю статуса.

Особый пласт уязвимости – эмоциональная компенсация в условиях неопределённости. Для многих участников финансовая пирамида становится не столько способом обогащения, сколько инструментом восстановления контроля над собственной жизнью. В условиях экономических кризисов, инфляции, нестабильности на рынке труда люди испытывают ощущение беспомощности. Пирамиды предлагают простой выход из ситуации – вложить деньги и быстро получить доход, минуя сложные механизмы реальной экономики. Организаторы это понимают и активно эксплуатируют. Они создают образ «простого пути к богатству», доступного каждому, независимо от образования или опыта. Эта нарратива особенно эффективна в постсоветском пространстве, где переходный период 1990-х годов сформировал глубокое недоверие к государственным институтам и одновременно веру в возможность быстрого обогащения.

Таким образом, социальная уязвимость превращается в ресурс для мошенников. Чем выше экономическая нестабильность, социальная изоляция и потеря контроля, тем эффективнее работает пирамидальная схема. Это объясняет, почему борьба с пирамидами не может ограничиваться только правоохранительными мерами, ведь необходима работа с социальными детерминантами уязвимости, включая повышение финансовой грамотности и создание доступных легальных инструментов для сохранения сбережений.

Даже при наличии информированных и неподверженных иллюзиям граждан финансовые пирамиды продолжают существовать благодаря системным пробелам в регулировании. Ключевая проблема – правовая неопределённость на ранних стадиях функционирования схемы. До момента остановки притока новых участников пирамида выглядит легальной – организаторы регистрируют ООО, арендуют офисы в бизнес-центрах, публикуют «финансовые отчёты», проводят презентации. Выплаты производятся в срок, реклама не содержит прямых признаков мошенничества. Только когда приток замедляется или прекращается, обнажается суть схемы – но к этому моменту ущерб уже нанесён, а средства организаторами выведены.

К тому же в России эта проблема усугубляется распылением надзора между разными ведомствами. Банк России отвечает за лицензирование финансовых организаций и выявление признаков нелегальной деятельности, МВД – за расследование преступлений, Роскомнадзор – за блокировку сайтов, Генеральная прокуратура – за выдачу предписаний о блокировке. Координация между ведомствами остаётся недостаточной. По данным МВД, из более чем 900 возбуждённых в 1990-е годы уголовных дел по статье 159 УК РФ (мошенничество) лишь 20 дошли до суда [4]. Лишь с принятием статьи 172.2 УК РФ в 2016 году (организация деятельности по привлечению денежных средств) появилась специальная норма, но её применение требует доказательства отсутствия реальной инвестиционной деятельности – задача непростая, когда мошенники маскируются под криптофонды, «бизнес-клубы» или профессиональных участников рынка ценных бумаг [5]. В 2024 году количество нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг выросло почти в 2,3 раза (с 862 до 1 936), что свидетельствует об усложнении схем маскировки [2].

Исследование зарубежного опыта показывает возможные альтернативные подходы, но и там наблюдается «регуляторная лага». В Австралии регулятор ASIC использует системы искусственного интеллекта для мониторинга рекламы инвестиционных проектов; в США подразделение по борьбе с мошенничеством (StopFraud.gov) обеспечивает быстрые каналы для подачи жалоб [6]. Однако и там мошенники адаптируются быстрее, чем регуляторы успевают обновлять правила. Так в 2022 году в Австралии зафиксирован пик убытков от финансовых пирамид, совпавший с крипто-кризисом и ростом инфляции. Различия проявляются в жёсткости наказаний: в США организаторы могут получить более 100 лет тюремного заключения с конфискацией имущества (включая активы родственников), в Германии – пожизненное заключение, в Китае – вплоть до смертной казни. В России же исторически наблюдалась системная

безнаказанность. Из сотен дел – десятки осуждённых, сроки до 5–7 лет, досрочные освобождения, отсутствие конфискации. Это порождало эффект «низкого риска при высокой награде», стимулируя новых мошенников.

Перспективным направлением борьбы становится проактивная нейтрализация угроз с использованием современных технологий. Так, например, российский Т-Банк внедрил платформу «Кибершквал» на базе машинного обучения, которая автоматически выявляет признаки пирамид (обещания сверхдоходов, акцент на рефералов) и «отвлекает» мошенников. Такие боты принимают их звонки по 1500–3500 раз в день, имитируя заинтересованных клиентов [7]. Эти технологии не заменяют правоприменение, но создают временной барьер, снижая количество реальных жертв. Банк России также развивает систему мониторинга: на начало 2025 года в списке компаний с признаками нелегальной деятельности находились 5197 организаций, данные ежедневно обновляются. Однако системная проблема остаётся: регуляторы реагируют на уже действующие схемы, тогда как профилактика – повышение финансовой грамотности, упрощение проверки лицензий, создание доступных альтернатив – развивается медленнее.

Заключение

Финансовые пирамиды устойчивы не потому, что люди «глупы», а потому что их существование обеспечивается рядом взаимосвязанных механизмов. Экономические иллюзии искажают восприятие риска и создают впечатление легитимности схемы. Социальная уязвимость, низкий доход, социальная изоляция и поиск контроля в условиях неопределённости создаёт целевую аудиторию, готовую верить в обещания «быстрых денег». Регуляторные проблемы, правовая неопределённость на ранних стадиях, распыление надзора по разным ведомствам и исторически сложившаяся безнаказанность предоставляют мошенникам возможность для масштабирования схемы.

Статистика подтверждает эту модель: рост числа пирамид в России в 2024 году совпал с усилением макроэкономической нестабильности и активной цифровизацией схем – 77% проектов принимали взносы в криптовалюте, почти 20% использовали более двух интернет-ресурсов. При этом традиционные меры – уголовное преследование организаторов – не решают проблему, так как к моменту ареста деньги уже распределены, а новые схемы возникают быстрее.

Эффективная стратегия противодействия финансовым пирамидам требует комплексного, многоуровневого подхода. Просветительские кампании стоит ориентировать не на запретительную риторику, а на наглядную демонстрацию внутренней математики пирамид – объяснение того, почему экспоненциальный рост привлечённых средств неизбежно оборачивается коллапсом. Регуляторам необходимо упростить механизмы раннего предупреждения населения, введя, к примеру, обязательную маркировку проектов, не имеющих лицензии Центрального банка, на всех рекламных носителях. Параллельно следует развивать доступные микрофинансовые инструменты и простые инвестиционные продукты для социально уязвимых групп – это снижает соблазн искать «быстрые деньги» в сомнительных схемах. Не менее важным остаётся усиление международного сотрудничества, поскольку современные пирамиды всё чаще используют трансграничную преступность для вывода средств и сокрытия следов.

Борьба с финансовыми пирамидами выходит за рамки правоохранительной деятельности – это социально-психологический вызов, требующий понимания мотивов, заставляющих людей верить в финансовые иллюзии, и создания условий, где такая вера оказывается менее выгодной, чем взвешенный рациональный выбор. Лишь системное сочетание правовых, технологических, образовательных и социальных мер способно ослабить позиции этого устойчивого элемента криминальной экономики.

Литература

1. Пахаев А.В., Гордиенко М.С. Финансовые пирамиды // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2022. № 8. С. 34-42.
2. Банк России. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке: аналитический обзор за 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2024_2 (дата обращения 19.01.2026).
3. Мубараков И.И., Сагдуллин Д.Ф., Ехлакова Е.А. Финансовые пирамиды: определение, история, мошенничество // Вестник Казанского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 12, № 4. С. 121-130.
4. Староверова О.В., Крупенко Р.А. Финансовые пирамиды: сущность, условия и пути предотвращения функционирования в современной экономике // Аудиторские ведомости. 2024. № 2. С. 270-275.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025). Ст. 172.2.
6. ScamWatch. Investment scams: annual reports 2020-2024. Canberra: Australian Competition & Consumer Commission, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scamwatch.gov.au> (дата обращения 19.01.2026).
7. Мальцева С.М., Балашова Е.С., Ершова Е.А., Корнусова В.М. Финансовые пирамиды: современное состояние и способы борьбы // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 1 (34). С. 211-214.
8. Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. Финансовые пирамиды как форма непроизводительного предпринимательства // Экономический анализ: теория и практика. 2020. № 15. С. 121-135.
9. Бублик В.А., Козаченко И.Я., Губарева А.В. Финансовая составляющая криминальной пирамидальной экономики // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика и право. 2021. № 4. С. 78-85.
10. Гизатова Н.В., Сухоплюев П.А. Финансовые пирамиды: механизмы, последствия и предотвращение экономических преступлений // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3. С. 76-82.
11. Линник Е.Ю. Финансы и кредит: адаптация и тренды развития. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2023. 282 с.
12. Медиков Е.В., Ростокинский А.В. Международные аспекты борьбы с финансовыми пирамидами // Образование и право. 2021. № 1. С. 155-159.
13. ЦБ РФ. Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке. М., 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/inside/warning-list> (дата обращения 19.01.2026).
14. ГК «РосБизнесКонсалтинг». Финансовые пирамиды в России: история и современность. - 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/62a0bd789a79471b5a791723> (дата обращения 19.01.2026).